

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Андреюшкина Т. Н.
Тольятти, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2818-983X
E-mail: andrejushkina@tlttsu.ru

УДК 82-1
DOI 10.26170/FK19-02-30
ББК Ш301
ГЧНТИ 17.82.09
Код ВАК 10.01.08

ВОСПРИЯТИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕЙ А. В. МИХАЙЛОВА РОССИЙСКИМИ УЧЕНЫМИ

Аннотация. В статье рецензируется коллективная монография – промежуточный итог работы «Михайловских чтений», проводимых с 2007 г. ежегодно в РАН ИМЛИ под руководством Л. И. Сазоновой. В монографии известными российскими философами, филологами, германистами и музыковедами рассматриваются проблемы историзма в литературе и музыке, обратного перевода, риторического слова, соотношения исторической поэтики и немецкой теории модернизма и др., поднимающиеся в работах Михайлова.

Ключевые слова: обратный перевод; риторические слова; историческая поэтика; рецензии.

Andreiushkina T. N.
Togliatti, Russia

PERCEPTION AND DEVELOPING OF ALEXANDER MIKHAILOV'S IDEAS BY THE RUSSIAN SCIENTISTS

Abstract. The article deals with the collective monograph – an interim result of Mikhailov's readings, which are taking place every year since 2007 in the Institute of World Literature of the Russian Academy of sciences under the leading of L. I. Sazonova. The book presents articles of Russian philosophers, philologists, philologists of German literature and musicologists. In the book the problems of historical methods in literature and culture, reverse translation, a rhetorical word, and historical poetics as analogy of *Moderne-forschung* are considered.

Keywords: back translation; rhetorical words; historical poetics; reviews.

Для цитирования: Андреюшкина, Т. Н. Восприятие и развитие идей А. В. Михайлова российскими учеными / Т. Н. Андреюшкина // Филологический класс. – 2019. – № 2 (56). – С. 220–224. DOI 10.26170/FK19-02-30.

For citation: Andreiushkina, T. N. Perception and Developing of Alexander Mikhailov's Ideas by the Russian Scientists / T. N. Andreiushkina // Philological Class. – 2019. – № 2 (56). – P. 220–224. DOI 10.26170/FK19-02-30.

К 80-летию со дня рождения Александра Викторовича Михайлова (1938–1995) коллективом авторов, среди которых известные философы, филологи, в частности, германисты, искусствоведы и музыковеды, подготовлена и издана книга **«Жизнь в науке: Ал. В. Михайлов – исследователь литературы и культуры» / Коллективная монография. Отв. ред. Л. И. Сазонова; Ин-т мировой литературы им А. М. Горького РАН, 2018. – 624 с.**, под редакцией Л. И. Сазоновой, руководителя проекта и организатора проведения «Михайловских чтений» в ИМЛИ РАН. Цель книги – «обобщить результаты отдельных наблюдений над различными аспектами научного творчества А. В. Михайлова в виде целостного труда, главная задача которого состоит в том, чтобы показать А. В. Михайлова как высокоинтеллектуального и высокопрофессионального мыслителя во всем значении его творческой личности, открыть его как крупнейшего теоретика литературы и культуры широкой гуманитарной аудитории» [Жизнь в науке 2018: 19]. С другой стороны, эта книга должна привлечь гуманитарную аудиторию к изучению научного наследия Михайлова с целью исследования тех проблем, которые

еще не затронуты в монографии (а это неизбежно при многогранности научной мысли ученого и объеме трудов, часть из которых еще не опубликована), для чего следует предпринять ряд конкретных шагов – включение трудов Михайлова в программы соответствующих высших учебных заведений, стимулирование широкого круга философов, искусствоведов к изучению и популяризации трудов Михайлова, издание полного собрания сочинений ученого, приглашение зарубежных ученых к участию в «Михайловских чтениях» и публикации в России и за рубежом научного наследия Михайлова.

Многое в этом направлении сделано. В Приложении III данной монографии представлен библиографический указатель трудов Михайлова с 1996 по 2016 гг., изданных посмертно. Достаточно много сделано и в изучении наследия Михайлова, например, многочисленные публикации ученых в разнообразных периодических изданиях. К сожалению, единственной диссертацией, написанной на материале наследия Михайлова, до сих пор является докторская диссертация Г. И. Данилиной «Принцип историчности: концепция

исторической поэтики А.В. Михайлова», защищенная в РГГУ в 2009 г. Своего исследователя ждут работы Михайлова по немецкой философии, музыке, литературе, среди которых такие проблемы, как, например, соотношение риторического и нериторического слова в немецкой литературе (на материале барокко и романтизма), сравнение сходных явлений в литературе и культуре разных стран и т. д.

Рецензируемая коллективная монография состоит из введения и трех разделов: «Историко-культурные исследования Ал. В. Михайлова: Идеи, концепции, методы», «Слово и музыка в трудах Ал. В. Михайлова» и «Ал. В. Михайлова вспоминают...», написанные в основном учеными Москвы (ИМЛИ РАН, ИФ РАН, ГИИ РФ, РГГУ, МГУ, МГК) и Санкт-Петербурга (СПбГУ, РГПУ, СПбГАУ), а также четырех приложений, включающих несколько текстов самого Михайлова на русском и немецком языках, воспоминания родителей и коллег о «пути к существенному» Михайлова, библиографический указатель трудов Михайлова (с 1996 по 2016), являющийся дополнением к библиографическому указателю, приведенному в книге «Языки культуры» (М., 1997) и «Обратный перевод» (М., 2000) и темы докладов прошедших «Михайловских чтений» (1998, 2000, 2003, 2005, 2007–2016 гг.). Разнообразие разделов и приложений показывает разносторонность интересов Михайлова, создает его портрет ученого и человека, знакомит заинтересованного читателя-исследователя с тем, что уже сделано и что еще предстоит сделать в изучении трудов ученого.

Первый раздел книги – **«Историко-культурные исследования Ал. В. Михайлова: Идеи, концепции, методы»** – состоит из статей философов и литературоведов, которых, согласно классификации самого Михайлова, можно назвать «германистами», «не-только-германистами» и «еще-и-германистами», то есть учеными, подобно ему, не замыкающимися в узких рамках собственных специальных исследований, а включающих в круг своих научных интересов историю науки и историческую поэтику, теорию и историю литературы, русскую и зарубежную прозу и поэзию, германистику и сравнительную историю литератур и т. д.

В. П. Визгин в статье **«Александр Михайлов: опыт философской характеристики»** сравнивает Михайлова с новатором в области гуманитарной мысли Вильгельмом Дильтеем, работы которого Михайлов переводил и изучал. Их связывает стремление «к синтезу историко-культурного знания, тяга к складыванию такой философски осмысляемой историко-культурной науки, которая являла бы культурную жизнь эпохи во всем многообразии ее связей» [Жизнь в науке 2018: 24]. Определяя философское кредо Михайлова (логос как основание для осмысления всего сущего и историчность бытия и сознания), Визгин видит в нем «продолжение традиции немецкого идеализма, особенно в той его ветви, что идет от Шеллинга и Гегеля к Дильтею, Хайдеггеру и Гадамеру» [там же: 24]. В частности, Визгин показывает, что Хайдеггер с его погружением «в корнесловия греческого языка как изначального языка философии» [там же: 28] ближе Михайлову, чем Гуссерль с его математическим складом ума и аисторизмом, связанным с австрийской философской тра-

дицией, отделявшей ее от немецкой мысли. Но «там, где у Хайдеггера стоит бытие, там же, в той же самой заглавной позиции Михайлов уверенно и без сомнений ставит слово» [там же: 33]. Визгин высказывает несогласие с постулатом Михайлова «Не философ правит словом, а слово правит им» [Михайлов 1993: XXI] из-за многозначности слова, контроля философом своей речи и из-за поиска «меткого» слова, которое приходит не сразу. Словно предчувствуя возражения, Михайлов сказал и следующее: «Философия – это всегда осмысление проблем, для которых нет готовых слов; поэтому это всегда слово, которое находится на пути, а не в окончании пути» [Михайлов 1993: VIII]. Называя Михайлова «мыслителем космического стиля», Визгин определяет Михайлова как «экзистенциально философствующего филолога» [Жизнь в науке 2018: 39], имея в виду неотделимость мысли от мыслящего лица. «Германист Божьей милостью» – другое определение философом Михайлова, так как он демонстрировал «художественные приемы мысли», имея «поэтическую струнку в душе», плавал в своей науке, «как рыба в воде» [там же: 40–42]), не забывая о «ведающем неведенье» и «непременности» мысли и слова [там же: 43–45].

Н. К. Гей в статье **«Феноменально-ноуменальный параллелизм (о работе А. В. Михайлова «О боге в речи философа»)»** напоминает, что статья Михайлова была опубликована в юбилейном сборнике в честь А. Ф. Лосева, с которым Александра Викторовича связывали дружеские и научные интересы, и посвящена поведению слова на границе, разделяющей два мира – видимый и невидимый – в «феноменально-ноуменальное единство» (термин Вяч. Иванова). Гей считает, что это «теоретическая программа, набросок большого замысла, которому не дано было быть осуществленным» [Жизнь в науке 2018: 48]. Гей привлекает к исследованию также статью Михайлова «О. Павел Флоренский как философ границы», написанную в то же время. Топосы «СЛОВО, ИМЯ, БЫТИЕ и БОГ – масштаб, заданный этим эссе, как бы теоретическим завещанием А. В. Михайловым» [там же: 49] – «ключевые слова» этих работ. Гей рассматривает соотношение между Словом и словом как аналог диалектической антиномии греческого указательного местоимения – *нечто* и относительного *ничто*, так как «в них наглядно обозначены движения слова на дистанции от изобразительного „видимого“ и „невидимого“ в иконописи и „означенного“ и „неозначенного“ в словесности» [там же: 50].

Развитием мыслей статьи Гей на конкретном примере является статья **Т. А. Федяевой «Эпитафия сатире: проблема риторического слова в журнале „Бреннер“ в аспекте исследований А. В. Михайлова»**. В ней речь идет о дискуссиях в 10–20-е годы по поводу сатиры между К. Краусом, издателем журнала «Факел» (1899–1934), и литературным и философско-религиозным журналом «Бреннер» (1910–1954), один из участников которого, Фердинанд Эбнер, своей книгой «Слово и духовные реальности», опубликованной в «Бреннере» (1921), выступил против риторического слова Краусса, полагая, как подчеркивает Федяева, что слово стало мыслиться «не как носитель догматов и средство передачи абстрактных истин, а как слово любви – межличностного действия, происходящего между Я и ТЫ,

Я и Христом как личностью» [там же: 275], что шло вразрез с представлениями Краусса, прекратившего издавать свой журнал.

Единственная статья о живописи в монографии **(Т. А. Касаткина «К вопросу о теории образа в трудах А. В. Михайлова»)** также сопрягается со статьей Гея. Категория границы между дольным и горним рассматривается здесь на примере «эстетического», или «исторического» в Теченском алтарном изображении К. Д. Фридриха, и «подлинной жизни», или «состояния истинной взволнованности» [там же: 216], против которого яростно выступил эстетик, современник Фридриха, Ф. В. Б. Рамдор. Касаткина вслед за Михайловым подчеркивает, что Фридрих «создает в своем пейзаже с Распятием место, где предстоящий может и должен встретиться со Христом; место, представляющее собой нечто, более близкое скорее предстоящему, чем собственно историческому» [там же: 214].

Статья **С. Г. Бочарова «А. В. Михайлов о языке филолога»** открывает, в отличие от предшествующих статей по философии, ряд работ о филологических аспектах наследия Михайлова. Бочаров начинает с противопоставления «ключевых слов» терминам, выпад против которых Михайловым он объясняет традицией Бахтина, утверждавшего, что «греческая мысль (философская и научная) не знала терминов» [Бахтин 1996: 79]. Бочаров, упоминая об ангеле истории на гравюре Пауля Клее в концепции Вальтера Беньямина, говорит о том, что Михайлов связывал этот образ с катастрофическим чувством, охватившим российское общество в 90-е гг. Бочаров называет ангела, с ужасом взирающего на прошлое и спиной стоящего к будущему, «михайловской моделью истории и культуры» [Жизнь в науке 2018: 61], моделью «обратного перевода», который свидетельствовал о сохранении ученым исследовательского оптимизма. Бочаров подчеркивает также, что Михайлов считал непростительным отсутствие в любой период развития общества исследований творчества классиков – Шекспира, Гете, Пушкина, с последними он связывал соответственно «творчески-изобильное» и «творчески-экономное слово» в «нетерминологических категориях» [там же: 61]. Исследователь считает также важным тезис Михайлова о «глубоком родстве слова теории со словом самой поэзии» [Михайлов 1997: 17], в то время как «в семиотическом движении было установлено решительное расподобление „языка описания“ от описываемого художественного языка» [Жизнь в науке 2018: 62]. Бочаров объясняет «более мягкие и даже расплывчатые формы языков описания (метаязыков)» [Чумаков 1999: 124], «не столь жестко „терминотизированные“ и более близкие к естественному, обычному языку» [Жизнь в науке: 62], с усложняющимся видением предмета. Подводя итог, Бочаров отмечает склонность Михайлова-литературоведа к риторической традиции, которой он долго и глубоко занимался, «с любовью к сложному разветвлению мысли и непрямоте, кружащему, нелинейному ходу речи, к словесному изобилию и игре. И риторическое кружение, и молчание – два полюса, оба его, и два его речевых портрета» [там же: 63].

К теории Михайлова о риторическом слове обращается и **Л. И. Сазонова: «Метаморфозы и трансфор-**

мации слова в историко-культурных эпохах: концепция А. В. Михайлова», подробно анализируя такие ее аспекты, как развитие литературы и культуры в ретроспективе и перспективе, в динамике и целостности исторического развития, преодоление ограниченности биографического подхода в историко-литературных исследованиях, осуществление «обратного перевода».

Со статьей С. Г. Бочарова перекликается также статья **Е. В. Ивановой «Проблема авторского написания в статьях А. В. Михайлова по текстологии»**. Автор статьи целиком разделяет поддержку Михайловым попытки восстановления авторского написания при переиздании книг классиков, так как, по мнению Михайлова, «сквозь авторское написание, пусть оно будет даваться нам с трудом, светит авторский замысел, авторский смысл» [Михайлов 2018: 461].

А. А. Гугнин строит свою статью «**„Магическое“ литературоведение А. В. Михайлова и некоторые идеи В. И. Вернадского: попытка приближения к проблеме**» на анализе общего в важнейших направлениях научного мышления Михайлова и В. И. Вернадского. На неслучайность этих совпадений указывает в рецензируемой книге и Визгин [Жизнь в науке 2018: 34]. Это общее заключается как в понимании места и роли науки в обществе, ее национального и государственного значения, в идее единства науки, в определении значения истории науки, понимаемой как «бывшее-в-настоящем-из-будущего», так и в универсализме обоих ученых и самоотверженном служении науке. В своей статье Гугнин объясняет понятие «магический» как «необыкновенный и неожиданный по силе воздействия на кого-либо; чудодейственный, волшебный» [там же: 79], относя это определение к воздействию идей и личности Михайлова на себя (он был знаком с Михайловым и слышал ряд его научных докладов на конференциях) и читателей/слушателей.

Сопоставительной работой является и статья **А. Е. Махова «А. В. Михайлов и Э. Р. Курциус: два воззрения на литературный процесс из перспективы риторики»**, рассматривающего теоретические воззрения Курциуса и Михайлова в контексте исторической поэтики. Их сближает взгляд на риторику, дающую «формы, в которые облекается и в которых устойчиво хранится и знание, и идеал» [там же: 129]. Суть различия между учеными – противоположное отношение к стадильному делению литературы: если Курциус утверждает принципиальную антистадильность, то Михайлов отличается стадильным подходом к литературе, в основе которого лежит триада «поэзия – знание – жизнь», в соответствии с которой в литературе называют пять этапов. Ученых различает и отношение к слову и образу. У Курциуса они мирно сосуществуют, а у Михайлова вступают в драматические и изменчивые отношения.

Продолжает тему сопоставительного анализа статья **Л. Н. Полубояриновой «А. В. Михайлов и Вальтер Беньямин. К постановке проблемы»**, указывающая не только на неоднократное обращение Михайлова в своих посвященных немецкому философу работах, но и на беньяминовский «след» в михайловском научном творчестве. Для обоих был показателен интерес к немецкому барокко и романтизму, к творчеству Гете. Интерес

российского исследователя к аспектам «фотопоэтики», «аллегоричности» и «эстетики коллекционирования» восходит именно к Беньямину и его научному языку [там же: 102]. Их, как развивает Полубояринова свою мысль далее, интересует феноменология фотографического, соотношение в рамках этой «вещной» эстетики планов прошлого и будущего. Беньямин в «Пассажах» и Михайлов в своих работах о бидермейере «специфицируют, углубляют и переводят на новый уровень представление о бидермейеровском собирательстве в силу того, что им именно через феномен собирательства открывается бидермейеровское понимание истории» [там же: 105]. Аллегоричность бидермейеровского чувства жизни, как оно проанализировано у Михайлова, распаивает эпоху бидермейера как назад, к барокко, так и вперед, к модерну. Полубояринова отмечает совпадение векторов мышления двух ученых и в вопросах прояснения методологического основания литературоведческой науки как науки исторической.

Предлагая **«Несколько соображений о „магистральном сюжете“ А. В. Михайлова, С. Ю. Хурумов** намечает основные ориентиры исследовательского становления А. В. Михайлова: в 60-е гг. в связи с интересом к музыке и барокко Михайлов обращается к изучению Т. Адорно и В. Беньямина, в 70-е гг. в центре внимания Михайлова оказываются немецкая филология первой половины XX в. (Э. Ауэрбах и Э. Р. Курциус) и русская риторическая школа филологии (С. Аверинцев, М. Гаспаров, М. Бахтин), в 80-е гг. – М. Хайдеггер и философская школа герменевтики и историческая поэтика А. Веселовского.

А. И. Жеребин («Историческая поэтика и немецкая теория модернизма») исходит из тезиса о тенденции к синтезу истории и теории литературы, которая в России проявляется в возрождении исторической поэтики, а в Германии – в бытовании «модернизмоведения» («*Modernforschung*»), предполагающее концепцию «большого модернизма» [там же: 282]. Сходство этих явлений допускает попытку сравнения, полагает исследователь: «то, что в Германии называют модернизмом, в России обозначают понятием индивидуально-творческое художественное сознание», следующее после риторической эпохи, по Михайлову. Жеребин подробно анализирует данные явления, привлекая к анализу работы А. Веселовского, В. Иванова, М. М. Бахтина, А. В. Михайлова, Н. Д. Тмарченко, С. Вьетты, Э. Ауэрбаха, Э. Р. Курциуса и др. Общим для названных методологий является принцип стадильности, транснациональности, интердисциплинарности и универсализации науки о литературе.

Один из аспектов исторической поэтики рассматривается в статье **Д. Л. Чавчандзе «Опосредование и совмещение истории и теории литературы в работах А. В. Михайлова»**. Совмещение исторического и теоретического подходов в работах Михайлова автор статьи подробно анализирует на примере исследования Михайловым трудов Жан Поля и Зольгера, подчеркивая мысль ученого о том, что «социальная обусловленность литературного творчества не является единственно доминирующей» [Михайлов 2000: 662], поскольку главенствующее место в литературе занимает национальное духовное начало.

Ряд статей посвящен проблемам русской литературы: **«Русское и западноевропейское в творческом осмыслении» (О. А. Овчаренко), «А. В. Михайлов и русская литература» (О. Н. Кулишкина), «Гоголевские штудии А. В. Михайлова» (Е. Е. Дмитриева), «Стих, проза и их взаимодействие в литературоведческой системе А. Михайлова» (Ю. Б. Орлицкий)**. В них отражается вклад Михайлова в исследование истории и теории русской литературы, посвященные таким писателям, как Карамзин, Лермонтов, Гоголь, а также работы сопоставительного характера: «Николай Михайлович Карамзин в общении с Гомером и Клопштоком», «Белинский и Гейне», «Иоганн Беер и И. А. Гончаров», «А. А. Фет и Боги Греции» и др. «Творческие искания русских и западных мыслителей предстают, таким образом, звеньями одной цепи» [Жизнь в науке 2018: 221] – общая концепция упомянутых статей.

Особо хочется выделить статью **Г. И. Данилиной «Слово на развалинах истории»: проблемы историзма и ключевых слов в поздних работах А. В. Михайлова**, посвятившей свою докторскую диссертацию проблеме историзма в наследии Михайлова. Новое содержание принципа историзма Данилина видит в «структуре открытости и предметной направленности на изучение „иного“ в „единовременности“ всех культурно-исторических смыслов» [там же: 180]. Анализируя «ключевые слова» Михайлова («собрание смыслов», «обратный перевод», «безосновность», «самоуразумение культуры» и др.), Данилина отмечает, что они рождались из внутреннего диалога на страницах работ ученого с Г.-Г. Гадамером, Р. Козеллеком, М. Хайдеггером и Ф. Ницше.

Статья **М. Ф. Надъярных «Проблема культурной динамики»** посвящена методу обратного перевода Михайлова, который «изначально подразумевает нелинейность истории культуры» [там же: 197] и «соответствует возвратно-поступательному ритму самой истории культуры» [там же: 198], в глубь которой «хранится изначальное творческое слово» [там же]. Для сегодняшнего гуманитарного знания особое значение приобретает представление слова «как особой многомерной реальности», «развертывание свернутого, сокрытого глубинного смысла слова» [там же: 201] как основа для «формирования новой диалоговой многомерной модели осмысления литературной и культурной динамики» [там же: 206].

Название второго раздела книги – **«Слово и музыка в трудах Ал. В. Михайлова»** – восходит к тематике конференций, инициированных Михайловым в годы его работы в консерватории и продолженных после его смерти, – «Слово и музыка». Этот раздел составляют шесть статей, посвященных различным проблемам теории и истории музыки в работах Михайлова. **Е. И. Чигирева** рассматривает взгляд Михайлова на музыку в истории культуры. Она привлекает к анализу статьи Михайлова о Бетховене, Моцарте, А. Веберне, А. Берге, А. Шнитке, А. Брукнере, Р. Штраусе, А. Шенберге, Г. Малере, указывая на литературные параллели, проводимые Михайловым в работах о музыке, поскольку он видел общую логику развития литературы и музыки. Но, как отмечает Чигирева, и его высказывания о музыке «обогащают музыкальную науку широким спектром полифонических смыслов» [там же: 318].

Д. Р. Петров, привлекая к анализу работы Михайлова о Т. Адорно, М. Балакиреве, М. Мусоргском, говорит о развитии Михайловым музыкально-исторической поэтики, где ученый наметил ее принципы и показал возможности, но, к сожалению, рано уйдя из жизни, не осуществил и не довел программу музыковедения до конца.

Е. М. Царева обращается к проблеме романтизма в музыке и преломлении ее в работах Михайлова. Она анализирует статью Михайлова «Романтизм», опубликованную в двух номерах журнала «Музыкальная жизнь» за 1991 год. Начиная с Вебера и Римского-Корсакова, Михайлов относит к романтизму и музыку Вагнера, и Малера. Упомянув Скрябина и Рахманинова, Шенберга, Берга и Хиндемита, Михайлов говорил о постоянно возрождавшемся романтизме в музыке, связывая его и с повторяющимися явлениями неоромантизма в литературе.

Две статьи **К. А. Жабинского** характеризуют Михайлова как музыкального критика, для которого «полнокровное бытие музыкального произведения неразрывно связано с исполнительской деятельностью» [там же: 347], и исследователя творчества А. Шнитке в частности. Избегая обсуждения узко технологических проблем интерпретации музыкантом исполняемых произведений, Михайлов всегда говорил о главном – «воссоздании авторского смысла с максимально достижимой полнотой» [Михайлов 1990: 5]. За творчеством Шнитке Михайлов следил с 70-х гг. до последних дней

своей жизни. В эволюции композитора он наблюдал «очищение стиля», «нарастание духовности» и сосредоточение на главном – «философии жизни перед лицом смерти», сопровождавшееся «поворотом к романтизму», что характеризовало «устремленность композитора „против течения“» [там же: 4–5].

К. В. Зенкин в статье о смысловом пространстве понятия «интонация» погружает читателя в споры теоретиков музыки (Б. В. Асафьев, Б. Л. Яворский, М. Г. Арановский, В. В. Медушевский) вокруг термина, который имеет специфическое истолкование в теории музыки, но Михайлов касается его частично в статье «Стиль и интонация в немецкой романтической лирике» [Михайлов 2000: 58–90]. Зенкин отмечает, что «музыкальность как особая вознесенность поэтического смысла над предметно-понятийной конкретикой, его амбивалентность и подчеркнутая процессуальность фиксируется Михайловым понятием „интонация“» [Жизнь в науке 2018: 373].

Рецензируемая книга вследствие своей разнонаправленности в разделах (научные статьи, статьи самого Михайлова на немецком и русском языках, воспоминания о Михайлове известных отечественных ученых) будет интересна многим читателям, но основное ее значение – серьезный вклад в разработку ключевых понятий гуманитарных наук и в михайловедение в частности. С другой стороны, книга показала и необходимость дальнейшего интенсивного изучения как переводов Михайлова-германиста, так и идейного наследия Михайлова-ученого.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 т. – М.: Языки славянских культур, 1996. – Т. 5. – 730 с.
 Жизнь в науке: Ал. В. Михайлов – исследователь литературы и культуры: коллективная монография / под ред. Л. И. Сазоновой. – М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2018. – 624 с.
 Михайлов А. В. Цикл симфоний Альфреда Шнитке // Музыкальная жизнь. – 1990. – № 24. – С. 4–5.
 Михайлов А. В. Вместо введения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993. – С. V–XXIII.
 Михайлов А. В. Языки культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 912 с.
 Михайлов А. В. Обратный перевод. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 848 с.
 Михайлов А. В. Статьи по теории литературы / сост. Е. В. Иванова. – М.: Дмитрий Сечин, 2018. – 496 с.
 Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» Пушкина. В мире стихотворного романа. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 128 с.

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1996). *Sobr. soch. v 7 t.* [Selected works in 7 vol.]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 5. 730 p.
 Chumakov Yu. N. (1999). «Evgeniy Onegin» Pushkina. *V mire stikhotvornogo romana* ["Eugen Onegin" of Pushkin: In the World of the Verse-novel]. Moscow, MGU. 128 p.
 Mikhaylov, A. V. (1990). *Tsikl simfoni Al'freda Shnitke*. [Cycle of Symphonies of Alfred Shnitke]. In *Muzykal'naya zhizn'*. No. 24, pp. 4–5.
 Mikhaylov, A. V. (1993). *Vmesto vvedeniya*. [Instead of introduction]. In *Khaydegger M. Raboty i razmyshleniya raznykh let*. [Heidegger M. Works and Reflections of Different Years]. Moscow, Gnosis, pp. V–XXIII.
 Mikhaylov, A. V. (1997). *Yazyki kul'tury*. [Languages of Culture]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury. 912 p.
 Mikhaylov, A. V. (2000). *Obratnyy perevod*. [Reverse Translation]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury. 848 p.
 Mikhaylov, A. V. (2018). *Stat'i po teorii literatury*. [Articles about Theory of Literature] / ed. by E. V. Ivanova. Moscow, Dmitriy Sechin. 496 p.
Zhizn' v nauke: Al. V. Mikhaylov – issledovatel' literatury i kul'tury: kollektivnaya monografiya. [Al. V. Michailov – Researcher of Literature and Culture. Collective monograph]. (2018). Moscow, IMLI RAN. 624 p.

Данные об авторе

Андреюшкина Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода Гуманитарно-педагогического института, Тольяттинский государственный университет (Тольятти).

Адрес: 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
 E-mail: andrejushkina@tltsu.ru

Author's information

Andreiushkina Tatiana Nikolaevna – Doctor in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of Translation of the Humanitarian Pedagogical Institute, Togliatti State University (Togliatti).